Б48 6/27

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ
О
ВЛАСЬЕВСКОЙ БАШНѢ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернской Земской Управы
1876.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ

О

ВЛАСЬЕВСКОЙ БАШНѢ.

1041

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Губернской Земской Управы.

1876.

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ О ВЛАСЬЕВСКОЙ БАШНѢ.

Подъ названіемъ „*Власьевская башня въ Ярославлѣ съ надворотнымъ Знаменскимъ храмомъ*“ поступила въ продажу на страстной недѣлѣ [1]),въ отдѣльномъ изданіи, статья г. Лебедева, напечатанная первоначально въ № 11 епарх. вѣдомостей. Книжка въ настоящее время обращаетъ вниманіе публики. Поэтому считаемъ не лишнимъ сказать объ ней нѣсколько словъ.

Авторъ пользовался отрывочными свѣдѣніями „Исторіи Ярославля“ прот. Троицкаго и „Путеводителя“ г. Никольскаго, между тѣмъ въ № 46 губ. вѣд. 1844 г. С. А. Серебрениковымъ была помѣщена большая статья „Три древнія башни въ Ярославлѣ“, оставшаяся къ сожалѣнію неизвѣстною г. Лебедеву. Въ статьѣ этой старѣйшія наши башни охарактеризованы такимъ образомъ: „башни замѣчательны по своей древней архитектурѣ, старинной искусной и прочной кладкѣ кирпича, съ фундаментами изъ крупнаго дикаго камня. Онѣ четырехъугольныя, съ раструбистымъ

[1]) Въ этоже время петербургскимъ журналомъ Пчела (№ 5, с. 9) помѣщенъ былъ видъ этой башни, взятый съ оригинальнаго рисунка Д. А. Есипова.

верхомъ, амбразурами, зубцами и бойницами, внутри башенъ были своды, которые въ Волгской и Власьевской изъ опасенія, чтобы отъ падавшаго на нихъ дождя и снѣга не провалились, выломаны; ибо башни стояли безъ кровель, вѣроятно отъ времени развалившихся. Власьевская и Волгская башни по огромности и прочности своей заслуживаютъ особенное вниманіе; для входа наверхъ оныхъ устроены въ стѣнахъ проходныя лѣстницы съ каменными ступенями. Толстыя желѣзныя подставы съ обѣихъ сторонъ въ воротахъ свидѣтельствуютъ, что были тутъ тяжелые двойные воротные затворы; а отверстія въ стѣнахъ доказываютъ существованіе опускныхъ рѣшетокъ съ обѣихъ сторонъ во всю ширину воротъ". Собственно о Власьевской башнѣ Серебренниковъ говоритъ слѣдующее: „Власьевская башня почти квадратная, ибо имѣетъ длины отъ востока къ западу 7 саж. 2 аршина, ширины отъ юга къ сѣверу 8, а вышины 9 саженъ, верхній раструбъ съ наружныхъ сторонъ шире стѣнъ на 1 арш., толщина стѣнъ внизу $5^1/_2$, а вверху $1^3/_4$ арш., ширина воротныхъ отверстій $2^1/_2$ саж. На восточной стѣнѣ, обращенной къ земляному городу, надъ воротами въ небольшомъ углубленіи, издревле написанъ образъ Божія Матери Знаменія, къ которому впослѣдствіи времени по усердію гражданъ пристроена ка-

менная часовня во всю ширину башни. На западной стѣнѣ, обращенной къ бывшимъ предмѣстьямъ, а нынѣ Власьевскому приходу, тоже надъ воротами, образъ Спасителя, стоящаго и благословляющаго, по преданію списанъ съ Спасителева образа, что въ Москвѣ на Спасскихъ воротахъ. Онъ первоначально былъ не на этомъ мѣстѣ, а находился въ бывшемъ при сей башнѣ каменномъ выступѣ, надъ воротами жъ въ стѣнѣ обращенной нынѣ къ дому купца Соболева; по сломкѣ выступа, образъ сохраненъ и вмѣстѣ съ каменною массою вставленъ въ нынѣшнее мѣсто около 1823 года". Спеціально о послѣднихъ выступахъ сказано: „съ наружныхъ сторонъ башенъ по обѣимъ сторонамъ воротъ видны на стѣнахъ неровности, какъ бы тутъ было что-то пристроено. Это были каменные выступы, тоже съ амбразурами и бойницами, только въ половину ниже башенъ, ворота въ нихъ были не прямо, а съ боку, такъ что передняя стѣна выступа закрывала башенныя ворота и защищала ихъ отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи. Таковое устройство кривыхъ выѣздовъ въ воротахъ способствовало на случай непріятельскихъ нападеній и осады города къ чиненію вылазокъ".

Пріятно читать у г. Лебедева, что онъ не опредѣляетъ года этой башни, такъ какъ намъ извѣстенъ лишь годъ пожара (1536), ис-

тербившаго прежнія городскія укрѣпленія, а когда послѣдовало распоряженіе правительства объ устройствѣ здѣсь новыхъ укрѣпленій и когда именно какое изъ этихъ укрѣпленій устроено-неизвѣстно, что однако не удержало многихъ заключать и писать, что башни наши построены въ 1536 г. Воздержаніе отъ этой странности составляетъ достоинство и заслугу брошюры. Но исчисленіе укрѣпленій въ ней не полно, потому что называются лишь башни, валъ и ровъ, и можетъ относиться лишь къ земляному городу, а не вообще, такъ какъ укрѣпленія рубленаго города менѣе извѣстны. Между тѣмъ авторъ, обозрѣвши названныя укрѣпленія, заключаетъ, что они въ 1609 г. со славою выдержали продолжительную осаду поляковъ, принужденныхъ отступить отъ Ярославля. А отсюда читатель вправѣ выводить, что честь этой побѣды принадлежитъ упомянутымъ укрѣпленіямъ, что допустить едвали возможно. Остановимся здѣсь на нѣсколько минутъ.

Вотъ современныя извѣстія о военной исторіи того времени, начиная съ 1606 года:

1) Въ Дневникѣ Марины Мнишекъ [2]) читаемъ: въ Ярославлѣ есть крѣпость, довольно обширная, но слабая, каменныхъ зданій нѣтъ, кромѣ одного монастыря, обнесеннаго каменною же стѣною. Замокъ сгнилъ; ограда его

---

2) Сказ. совр. о Димитріи самозв. IV, 81.

обвалилась. Стоитъ онъ при впаденіи Которосли въ великую рѣку Волгу. Крѣпость обнесена низкимъ валомъ, за коимъ мы остановились.

2) Воевода Вышеславцевъ, отнявшій Ярославль 8 апрѣля 1609 г. у Тышкевича, въ половинѣ тогоже апрѣля пишетъ въ Вологду: Ярославцы острогъ почали дѣлать [3]).

3) Царская грамота Ярославскимъ воеводамъ: Силѣ Гагарину, Никитѣ Вышеславцеву и Евсѣю Рязанову, отъ 28 іюня, хвалитъ этихъ воеводъ за то, что они, взявши Ярославль, острогъ и городъ укрѣпили [4]).

4) Вологжане пишутъ Вычегодцамъ, въ 1-й половинѣ мая: маія въ 3 день пріѣхали къ намъ изъ Ярославля цѣловальники Максимъ Ворошиловъ съ товарыщи, а сказали, что апрѣля въ 30 день, въ воскресенье пришли къ Ярославлю по Углецкой дорогѣ воры и литовскіе люди и казаки и по грѣхомъ, въ понедѣльникъ на зорѣ, острогъ большой взяли; а государевы де люди, воеводы князь Сила Гагаринъ да Микита Вышеславцевъ съ товарыщи сидятъ въ городѣ да въ меньшомъ острогѣ. И маія въ 6 день писали къ намъ изъ Ярославля воеводы князь Сила Гагаринъ да Микита Вышеславцевъ, съ Васильемъ Пановымъ, что они сидятъ въ городѣ и въ середнемъ острогѣ и въ Спаскомъ монастырѣ, а воры де

---

[3]) Акты археографической экспедиціи, т. 2, № 115.
[4]) Тамъ же, № 128.

и литовскіе люди приступаютъ на день по дважды и по трожды [5]).

5) Ярославскіе воеводы, отъ 27 мая, пишутъ Сольвычегодцамъ [6]):

„Въ нынѣшнемъ въ 117 году апрѣля въ 30 день пришли подъ Ярославль воры, литовскіе люди и казаки, и черкасы, и татаровя и государевы измѣнники рускихъ городовъ многіе люди, и государевыхъ людей головъ съ сотнями заставы столкнули и мы, съ дворяны и съ дѣтми боярскими и со всякими ратными людми вышли за острогъ и съ воры бились во весь день до самыя ночи, и приступы у воровъ къ большому острогу были многіе и крѣпкіе, и того дни острогъ большой отъ воровъ Богъ помиловалъ. И маія противъ 1 числа, въ пятомъ часу ночи, воры пришли къ большому острогу, всѣми людьми приступъ повели ко многимъ мѣстамъ и въ послѣднемъ часу ночи промежъ Власьевскихъ воротъ воры острогъ зажгли и государевыхъ людей съ острогу сбили; а въ тѣ поры своровалъ измѣнникъ Спаскаго монастыря служка Гришка Каловской, Семеновскіе вороты отворилъ и воровъ въ острогъ пустилъ, и воры, вшедши въ острогъ, посадъ зажгли и посадъ въ большомъ острогѣ выго-

---

[5]) Тамъ же, № 118.

[6]) Тамъ же, № 123.

рѣлъ, и государевыхъ людей многихъ побили, а иные съ розгрому розбрелись розно, а мы съ достальными людьми сѣли въ меньшомъ острогѣ, въ рубленомъ городѣ и въ Спаскомъ монастырѣ и изъ острогу съ воры бились весь день и маія въ 3 день пришли воры къ меньшому острогу всѣми людьми и приступали великими приступы, всякими мѣрами во весь день и до вечера, и маія же противъ четвертаго числа, въ шестомъ часу ночи, воры пришли къ острогу со всѣми людьми, великими приступы съ щиты и съ огнемъ, съ смоленными бочками, съ приметомъ и съ вогненными стрѣлами, и мы съ воры у приступовъ бились до полудни, и на вылазку выходили, и Божіею милостію, и пречистыя Богородицы помощію, и великихъ чудотворцевъ молитвами, воровъ съ острогу и на вылазкахъ многихъ побили и живыхъ поимали, и щиты и приметы всѣ и знамяна и прапоры многіе у нихъ взяли и отъ острогу всѣхъ отбили; и воры маія въ 5 день отъ Ярославля пошли прочь по Углецкой дорогѣ. И маія въ 8 день воры, литовскіе люди, и казаки и черкасы, и русскіе измѣнники воротились подъ Ярославль и стоятъ всѣми людьми подъ Ярославлемъ, а выходцы въ роспросѣ сказываютъ, что встрѣтилъ воровъ панъ Лисовскій съ прибылыми людми и воровъ подъ Ярославль воротилъ, и воромъ всѣмъ Ярос-

лавль сталъ боленъ добрѣ, и воры де еще къ себѣ подъ Ярославль ждутъ прибылыхъ людей съ большимъ нарядомъ. А того дни какъ было воры отъ Ярославля пошли, вышелъ изъ воровскихъ полковъ изъ розряду ростовскій площадной человѣкъ Тимошка Семеновъ, а съ собою принесъ многіе розрядные письма, и въ тѣхъ письмахъ отпуски, что писали воры Иванъ Наумовъ съ товарыщи къ вору въ таборы, чтобы къ нимъ прислалъ прибылыхъ людей съ большимъ нарядомъ; а безъ прибылныхъ де намъ людей и безъ наряду Ярославля взяти не мочно. А въ Ростовъ воры писали и черкаси послали по суды плавныя. — У насъ съ воры драка живетъ ежечасъ и ратные люди добрѣ надобны, да и зелью росходъ великъ, съ пищальми людей много, а въ Ярославлѣ зелья ни у кого добыть ни полуфунта купити не мочно, всякимъ людемъ идетъ государево зелье, а не дать кому на драку зелья, ино отъ воровъ погинутъ, а зелья у насъ не ставаетъ. *Въ іюнѣ* [7]): А воровскіе люди, кои стояли подъ Ярославлемъ, отъ Ярославля отошли и пошли къ Ростову. А Лисовской со многими воровскими людьми пошелъ подъ Кострому“.

6) Приверженецъ царика, ростовскій воевода Иванъ Наумовъ, въ концѣ маія, пи-

---

[7]) Тамъ же, № 125.

шетъ гетману Сапѣгѣ [8]): „мы подъ Ярославлемъ стояли, маія съ 1 числа маія жъ по 22 день, и приступали къ городу и къ *монастырю* (новое свѣдѣніе) многажды, и на приступахъ и на вылазкахъ многихъ измѣнниковъ побивали; а безъ большова государева наряду и безъ прибыльныхъ безъ пѣшихъ людей Ярославля взяти не мочно и измѣнники въ Ярославлѣ сѣдятъ многіе".

7) Донскіе казаки, въ челобитной Тушинскому самозванцу, поданной въ іюнѣ, пишутъ: [9])" и какъ твои государевы воеводы изъ Ростова пошли подъ Ярославль, и мы холопи твои пошли въ полку съ твоимъ государевымъ бояриномъ и воеводою съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Наумовымъ, и подъ Ярославлемъ съ твоими государевы измѣнники дрались явственно и билися на смерть, и къ приступу ходили, и городъ взяли, и измѣнниковъ твоихъ государевыхъ многихъ побивали, и *посады выжгли* (новое свѣдѣніе); а иные измѣнники заперлись въ городѣ, и мы холопи твои къ приступу ходили съ щитами многажды".

Таковы факты военныхъ событій этаго года. Читатель конечно обратилъ вниманіе, что изъ укрѣпленій нашихъ постоянно упоминается такой родъ, который даже и не названъ г. Лебедевымъ. „Острогъ", смыслъ котораго акаде-

---

[8]) Акты Истор. 2, № 228.
[9]) Тамъ же № 239.

мическій словарь [10]) толкуетъ такъ: „укрѣпленіе изъ заостренныхъ сверху бревенъ, плотно одно подлѣ другаго стоймя вкопанныхъ въ землю“, спѣшатъ строить русскіе, его поджигаютъ поляки и проч. Очевидно въ войнѣ онъ былъ очень важенъ, хотя можетъ быть и не имѣлся иногда въ наличности и строился, случалось, при наступленіи опасности. Онъ назывался, также городомъ [11]) или градомъ, стѣною града [12]) или городовой стѣной [13]), стоячимъ тыномъ [14]). Далѣе замѣчательно различіе между извѣстіями №№ 118 и 123. По первому когда поля-

---

[10]) Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. Спб. 1847.

[11]) Въ Ярославлѣ городъ меньшой и большой, оба рубленые, деревянные, стоятъ на Волгѣ рѣкѣ. З другую сторону отъ меньшова города рѣка Которосль. Яросл. Губ. Вѣд. 1850 г. с. 260. Василью Дедюлину (городничему) смотрѣть *городъ*, ворота, башни и осыпь земляную да по улицамъ... (Книга приговоровъ судьи Дашкова 1721 г. въ арх. губ. пр., приг. 20 мая).

[12]) Во градѣ Ярославлѣ бывшю запаленію въ 4 часъ дне загорѣся въ большомъ граду близь р. Волги, и оттолѣ пойде по всему граду по брегу, посемъ и *стѣна града* загорѣся. Яр. Г. Вѣд. 1850 № 10. Стѣна эта разумѣется не противорѣчитъ извѣстному мѣсту Книги Большему Чертежу: градъ Ярославль строеніемъ церковнымъ вельми украшенъ и посадами великъ, *городовой стѣны* нѣтъ, только башни каменныя (с.136): пот. что послѣднее отрицаетъ лишь каменную стѣну.

[13]) Отъ Спаскаго монастыря до подгорные слободки проѣзду 4 сажени, отъ *городовые стѣны* осыпью и рвомъ до каменные глухіе Спаскаго монастыря башни деревяннаго городоваго прясла 17 сажень. Тамъ же, с. 260.

[14]) Лѣта 7180 декабря 21 день, по государеву указу, въ его государеву казну, взято въ Ярославлѣ въ съѣзжей избѣ въ городовую подѣлку на башенные кровли и въ ровъ, *на стоячей тынъ* и на частикъ и на надолбы. Тамъже с. 303.

ки взяли 1 мая большой острогъ, то въ рукахъ у русскихъ остались городъ да меньшой острогъ [15]). По второму когда поляки 1 мая брали большой острогъ, то входили въ него чрезъ Семеновскія ворота и близь воротъ Власьевскихъ. Значитъ, по послѣднему извѣстію, большой острогъ былъ не другое что какъ земляной городъ. Отсюда слѣдуетъ, что посадъ, который зажгли воры, взявши этотъ острогъ, находился въ земляномъ городѣ, что меньшой острогъ, который затѣмъ бросились штурмовать поляки, опять былъ не что иное какъ рубленый городъ, кремль, и что рубленый городъ не исключительно назывался городомъ, а назывался иногда меньшимъ острогомъ [16]). Но что же значитъ большой острогъ перваго извѣстія? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующихъ строкахъ сказанія о чудотворной иконѣ Богородицы Казанскія, относя-

---

[15]) Далѣе въ этомъ же извѣстіи сообщается о содержаніи письма воеводъ отъ 6 мая, по которому они занимаютъ городъ, середній острогъ и Спаскій монастырь. Такъ какъ это писано 6 мая, а по другому извѣстію 4 мая поляки изъ земляного города были выгнаны и 5 мая ушли изъподъ Ярославля: то разнорѣчія между извѣстіями здѣсь нѣтъ.

[16]) Кромѣ меньшаго и большаго города (прим. 11), въ Ярославлѣ назывались еще «большой городъ и второй городъ кремль» «кремль и большой городъ»: 1) во градѣ Ярославлѣ бывшю, запаленію въ 4 часъ дне, загорѣся *въ большомъ граду* близь рѣки Волги и оттолѣ пойде по всему граду, посемъ и стѣна града загорѣся. Посемъ загорѣся *вторый городъ кремль*... Послѣ большаго града погорѣша посади отъ монастыря всемилостиваго Спаса. (Яр. Губ.Вѣд. 1850,№ 10).2) Погорѣлъ градъ Ярославль: *кремль, большой городъ* и слободы по рѣкѣ всѣ безъ остатку. Тамъ же с. 63.

щагося къ 1610 г.: вскорѣ пріидоша въ Ярославль воеводы Никита Вышеславцевъ, Евсевій Рязанцевъ, поморскихъ градовъ со многою силою, и остальныхъ литовскихъ людей въ Ярославлѣ побили и острогъ кругъ града построили. *А иніи людіе не въ согласіи между собою, коимъ ратное дѣло не за искусъ, и тіи сдѣлали вторый острогъ вкругъ всѣхъ слободъ.* Потомъ же паки яко пси лютіи собравшеся и пріидоша подъ сей градъ Ярославль литовстіи воеводи со многочисленною силою и стояли подъ симъ градомъ, *острогъ большой, что около слободъ, божіимъ попущеніемъ взяли.* Отсюда явствуетъ, что большой острогъ № 118 былъ острогъ, окружавшій предмѣстья и слободы Ярославля, къ западу отъ земляного города, такъ что кто бралъ этотъ острогъ, тотъ дѣлался властелиномъ западной части Ярославля до земляного города.

Отъ этаго различія извѣстій образовались въ публикѣ два разныхъ мнѣнія о размѣрахъ осады нашего города въ 1609 г.: одно, что поляки доходили лишь до земляного города, а другое, что они взяли этотъ городъ и отбиты были лишь отъ рубленаго города.

И такъ слѣдуетъ разсудить, которое же изъ извѣстій справедливѣе. Но нужно ли даже сопоставлять подробно извѣстія и недостаточно ли припомнить, что одно сообщается высшими военными лицами, которыя вели

дѣло обороны города, почему знали всѣ подробности ея и способны были къ оцѣнкѣ разныхъ обстоятельствъ того времени. Другое же идетъ отъ лицъ чуждыхъ военнаго дѣла, не видѣвшихъ театра борьбы, а знавшихъ объ ней лишь по слухамъ. Но если настаиваютъ, допустимъ, что острогъ предмѣстный могъ быть. Но не попалъ онъ въ реляціи потому, что не имѣлъ никакого значенія и не игралъ никакой роли въ осадѣ. Для этого забудемъ, что если острогъ землянаго города былъ строенъ предъ самымъ приходомъ непріятеля, то острогъ предмѣстный строенъ былъ еще позже, почему едвали былъ конченъ вполнѣ, а развѣ частію, и едвали состоялъ изъ бревенъ, а развѣ изъ кольевъ, т. е. былъ собственно не острогъ, а частоколъ. Но вѣдь затѣмъ онъ не имѣлъ ни башенъ, ни рва, ни вала, ни крѣпостной артиллеріи. А безъ этихъ пособій могъ ли онъ быть защитой для войскъ осажденныхъ и препятствіемъ, хотя на минуту, для порядочнаго европейскаго войска, каково было нападавшее. Притомъ онъ имѣлъ такое протяженіе, что никакихъ войскъ не было достаточно для его защищенія, и отряды осажденныхъ всегда могли быть обойдены непріятелемъ. Думать, что къ такому деревенскому забору польскія войска дѣлали приступы, многократные и сильные, по всѣмъ правиламъ военнаго искуства, позволительно только невѣжественной массѣ.

Но не только фантастическій острогъ народныхъ разсказовъ, и укрѣпленія землянаго города не остановили стремительности поляковъ. Причина конечно та, что острогъ этого города, протяженіемъ двѣ версты, очень длиненъ, такъ что невозможно вездѣ помѣстить надлежащее количество войска и достовѣрныхъ людей, а незащищенными или плохо защищенными пространствами непріятель не упустилъ воспользоваться. Притомъ воротъ здѣсь было нѣсколько и огонь съ крѣпости не былъ концентрированъ на одномъ пунктѣ, а разсѣянный по нѣсколькимъ пунктамъ онъ былъ недостаточно силенъ для успѣшнаго отраженія нападенія

За то дѣло тотчасъ перемѣнилось, какъ скоро полки пошли осаждать рубленый городъ. Отъ Семеновскихъ воротъ, чрезъ которыя они вошли въ земляной городъ, прямой путь къ рубленому идетъ по Пробойной. Но идти по Пробойной значило цѣлую версту, около получаса, проходить открытой (за происшедшимъ пожаромъ), ровной мѣстностью, не только въ виду осажденныхъ, но и на ихъ дула; а потому осажденные должны были по мѣрѣ приближенія непріятеля встрѣчать его огнемъ изъ пищалей и пушекъ, изъ-за острога и съ башенъ: Фроловской, Волжской и Подзеленской, en face, а башни: Михайловская, Архангельская и восточной стѣны Спаскаго мона-

стыря, стрѣлять осаждающимъ во флангъ. Поляки могли конечно идти къ рубленому городу не прямо, но кривымъ ходомъ, по боковымъ улицамъ, подходящимъ къ Спасскому монастырю, но они, по всей видимости, боялись попасть подъ огонь этой каменной твердыни, и пошли по Пробойной. Слѣдствіе понятно. Войско, пробѣжавшее по Пробойной, подходило къ Фроловскому мосту столь ослабленнымъ, что не могло взять города. Повторенія штурма въ слѣдующіе дни нисколько не поправили дѣла и послѣ понесенныхъ на приступахъ потерь надобно было снять осаду и уйти отъ Ярославля, а хотя, по настоянію Лисовскаго, поляки затѣмъ возвратились и стояли съ 8 по 23 мая лагеремъ въ Таборахъ, ожидая подкрѣпленій и артиллеріи, но о нападеніяхъ ихъ на нашъ городъ нѣтъ свѣдѣній, а извѣстны лишь дѣйствія ихъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ, предпринимаемыя съ цѣлію обезопашенія и продовольствованія себя. Таковы факты борьбы у рубленаго города. Конечно русскимъ помогали обстоятельства. Въ большомъ острогѣ имъ держаться было не подъ силу, а вогнали поляки ихъ въ маленькое укрѣпленіе, длиной въ полверсты, у осажденныхъ на каждомъ пунктѣ оказалось войска достаточно и всѣ они дѣйствуютъ на глазахъ начальствующихъ, такъ что никакой сюрпризъ сталъ невозможенъ. Еслибъ

Спасскій монастырь былъ въ рукахъ поляковъ, то они сумѣли бы подойти къ рубленому городу безъ большихъ потерь. Еслибъ не было весенняго половодья или бы были у поляковъ суда, то они сдѣлали бы нападеніе на рубленый городъ изъ—подъ горы, послали бы десантъ, по крайней мѣрѣ не допустили бы до русскихъ ни подкрѣпленій ни даже сношеній. Но вольно имъ было приходить сюда не въ удобное время года и не привесть судовъ изъ Ростова. Начальники ихъ писали о помощи, но все выходила неудача: то на письма не отвѣчали, то письма доставлялись русскимъ. Пришелъ Лисовскій [17]) съ своей легкой конницей, не умѣли воспользоваться его отрядомъ, за то неустанно молили судьбу о присылкѣ пѣхоты и артиллеріи.

Теперь когда русскія свѣдѣнія объ этой осадѣ кончены, читателю представляется польская реляція о томъже предметѣ. Эта рѣдкая вещь, заключающаяся въ рукописи Historya Dmytra falszywego, находящейся въ имп. публ. библ., напечатана археографической коммиссіей въ русскомъ переводѣ и польскомъ подлинникѣ въ 1 т. Русской Исторической Библіотеки (Спб. 1872 г.), подъ заглавіемъ „Днев-

---

[17]) Въ Дневникѣ Сапѣги: Лисовскій съ москвитянами (удальцами разнаго сброда украинныхъ странъ московской земли) 6000. Вѣстн. Евр. 1866 г. № 3, с. 111.

никъ событій, относящихся къ смутному времени". На стр. 151—155 этой книги читаемъ [18]): „Того же 1609 года, 6 мая, г. Будзило съ Микулинскимъ [19]), снявшись изъ Курбы подъ Ярославлемъ, пришли къ Ярославлю; имъ пришлось переправляться къ Ярославлю чрезъ рѣку Пахну, на разстояніи мили отъ Ярославля у имѣнія монастыря Спасскаго, гдѣ весной былъ большой разливъ рѣки. Русскіе изъ Ярославля четыре дня защищали эту переправу. Такъ какъ здѣсь трудна была переправа, то наши, оставивъ тамъ Азака Турка съ Ярославскими и Романовскими татарами и съ донскими казаками, которымъ поручили развлекать русскихъ на этомъ мѣстѣ, сами 9 дня мая сдѣлали на этой

---

[18]) Переводъ, къ изумленію не совсѣмъ точный, исправленъ нами съ подлинника. Кромѣ тоговмѣсто «русскіе» попольски вездѣ стоитъ «москва». Въ «смутномъ времени» Костомарова изложено содержаніе настоящаго разсказа, но не безъ ошибокъ, не говоря уже о прибавленіяхъ автора. Вѣстн. Евр. 1866 г. № 3, с. 163.

[19]) Упоминаніе двухъ предводителей даетъ право заключать, что осадное войско составляли два полка этихъ предводителей. Дѣйствительно въ росписи полковъ царика за 1610 г. находимъ полкъ Будзила (Юзефа, полковника Мозырскаго, хорунжаго), а въ лагерѣ подъ Троицой полкъ пана Микулинскаго, и узнаемъ что полкъ Будзила 10 іюля т. г., при походѣ отъ Угры къ Москвѣ, состоялъ изъ 400 казаковъ, 600 пятигорцевъ, 200 гусаръ (с. 198), а въ спискѣ полковниковъ и ротмистровъ царя Димитрія (с. 715) читаемъ: полкъ Будзиловъ. Самого Будзила: гусаръ 200; пана Чаплинскаго, пятигорцевъ 100; пана Захулинскаго казаковъ— пятигорцевъ200; пана Педродзынскаго, пятигорцевъ 200(послѣдней роты попольски не напечатано). Въ Дневникѣ Сапѣги полкъ п. Микулинскаго: копейниковъ 700 конныхъ, казаковъ 300,

рѣкѣ мостъ повыше, на слѣдующій день переправились, зашли 10 числа въ тылъ русскимъ защищавшимъ переправу, поразили ихъ, послѣ чего охотники изъ поляковъ и казаки гнали ихъ на разстояніи мили къ Ярославлю. Когда польскіе полки, построившись къ бою, подступали къ городу, здѣсь ихъ дожидались русскіе, которые собрались изъ разныхъ 400 городковъ. Надѣясь на свою силу, они дали битву цѣлымъ своимъотрядомъ;поляки, ободренные первою своею побѣдою, тоже мужественно сразились, прежде всего съ архангельскими стрѣльцами, которыхъ было 600 и съ сибирскими стрѣльцами числомъ 1200, которые стояли на челѣ и на которыхъ русскіе полагали всю надежду, сразившись на голову ихъ разбили, потому что, какъ пѣшимъ, трудно было имъ уходить. Русская конница, видя ихъ пораженіе, принуждена была уходить въ слободу Спаскаго монастыря, лежавшую тутъ же ниже моста; за ней наши сейчасъ же въѣхали тоже въ слободу. Азанъ, съ отрядомъ оставленнымъ у рѣки, не замедлилъ прибыть въ то самое время, когда наши ворвались въ слободу; его отрядъ, спѣшившись, тоже побилъ немало русскихъ и сжегъ слободу; затѣмъ русскіе, не удержавшись на открытомъ мѣстѣ, затворились въ городѣ, а наши расположились подъ городомъ лагеремъ. Какъ только наступила ночь, наши, не давая русскимъ

спорить съ нимио побѣдѣ, въ туже ночь кинулись на штурмъ города. Закричавъ позади, какъ будто намѣревались идти на штурмъ изъ своего лагеря, потихоньку съ другой стороны города разобрали тынъ и вошли въ городъ. Русскіе въ городѣ долго бились, стараясь выбить насъ изъ города, но наконецъ были пересилены и побиты; иные, захвативъ съ собою что было можно, бѣжали къ лодкамъ, но не поспѣвъ попасть на нихъ, тонули, а остальные заперлись въ замкѣ, на которыхъ наши ходили нѣсколько разъ штурмомъ, но не могли взять, потому что мѣсто было сильно укрѣплено и удобно для защиты: съ обѣихъ сторонъ его были двѣ большія рѣки; одна Волга и другая Которосль, большой ровъ, мостъ на быкахъ отъ одной рѣки къ другой. Когда стали приходить извѣстія, что на защиту Москвы идетъ съ нѣмцами Скопинъ, то наши принуждены были отступить».

Изъ этой реляціи (принадлежащей по соображеніямъ редактора этаго тома Кояловича перу самаго польскаго предводителя Будзила или лица близкаго къ нему) мы въ первый разъ знакомимся съ дѣйствіями польскихъ войскъ, посланныхъ къ намъ, за 30 число апрѣля и узнаемъ, что штурмъ города начался вечеромъ тогоже дня, что поляки взошли въ него чрезъ острогъ, разобравъ его, и въ городѣ долго боролись съ русскими, а затѣмъ

штурмовали, хотя безполезно, замокъ, въ которомъ, по обозначенію укрѣпленнаго жилища владѣльца, употребленію Дневника Марины Мнишекъ и нахожденію между двумя большими рѣками съ мостомъ на рву, можно видѣть лишь рублсный городъ.

Третье укрѣпленіе нашего города составлялъ Спасскій монастырь. Объ немъ скажемъ слѣдующее: 1-е Монастырь занятъ былъ царскими войсками. 2-е Воеводы говорятъ, что поляки на 1 мая повели приступы къ большому острогу по многимъ мѣстамъ, но называютъ лишь ворота Власьевскія и Семеновскія. Думается, что они осаждали также и Угличскія ворота. А такъ какъ ворота эти съ южной стороны фланкировались бойницами и башнями Спасскаго монастыря, то конечно защитники монастырскіе участвовали въ отраженіи приступа поляковъ и въ сей-то борьбѣ вѣроятно сгорѣлъ, стоявшій близко отъ воротъ, деревянный Богородицкій монастырь, причинившій пожаръ острога. Это не совсѣмъ видно изъ разсказа воеводъ, но кажется что въ текстѣ грамоты въ словахъ „промежъ Власьевскихъ воротъ“ пропущено „и Углецкихъ“. 3-е Ни въ грамотахъ воеводъ ни въ царскихъ похвальныхъ грамотахъ ни въ польской реляціи нѣтъ ни слова объ осадѣ этаго монастыря. Единственное указаніе на нее находимъ въ письмѣ Наумова къ Сапѣгѣ. 4-е

Въ самомъ этомъ монастырѣ нѣтъ никакихъ преданій объ этой осадѣ, хотя въ монастыряхъ, въ память великихъ благодѣяній Божіихъ, устанавливались прежде всѣхъ и сохранялись обыкновенно лучше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, празднества, молебствія, крестные ходы, писались слова, синаксари, сказанія, исторіи, и хотя въ 17 и 18 столѣтіяхъ между монахами этого монастыря жило нѣсколько писателей. Въ Троицкой лаврѣ доселѣ показываютъ слѣды польскихъ ядеръ: здѣсь же и такихъ вещественныхъ доказательствъ нѣтъ. 5-е Хотя монастырь этотъ, какъ высокая каменная твердыня, хорошо вооруженная и защищаемая, не долженъ быть штурмованъ поляками, не имѣвшими ни достаточнаго числа пѣхоты ни осадной артилеріи ни даже лѣстницъ, а чтобы войско, засѣвшее тамъ, не пошло на помощь другимъ осажденнымъ, достаточно было держать его въ постоянной осадѣ или точнѣе блокадѣ, стоя подъ нимъ особымъ отрядомъ, стрѣляя изрѣдка на почтительномъ разстояніи и зорко наблюдая поведеніе находившагося тамъ войска; но если довольно важный начальникъ представляетъ корпусному командиру, что войска его „многократно“ приступали къ монастырю, то какъ бы это ни было странно, пока не будетъ доказано противное, по законамъ логики, должно тому вѣрить. Что же

касается до молчанія по сему предмету другихъ источниковъ, то причины эти могли быть случайныя, а сверхъ того мы вѣдь знаемъ за это время нѣсколько фактовъ кровопролитія отъ поляковъ, неупомянутыхъ тѣми источниками, какова напр. вырѣзка поляками 3 мая монаховъ Никольскаго [20]) на глинищахъ монастыря, бывшаго за Костростью, и 18 мая монаховъ Толгскаго [21]) монастыря.

Изъ приведенныхъ фактовъ и соображеній позволяемъ себѣ заключать, что во время осады Ярославля поляками въ 1609 г. отличились, прославились ярославцы, царское войско и особенно воеводы, управлявшіе обороной; поляки же, равно и укрѣпленія наши, не очень отличились. Если же слова „Ярославская крѣпость прославилась“ принимать не буквально, а въ смыслѣ метафорическомъ: то мы ничего не имѣемъ сказать противъ того.

В. Лѣствицынъ.

---

[20]) Описаніе церквей Николо-Мельницкаго прихода. А. Лебедева. 1871 г., с. 8.

[21]) Нѣсколько словъ о старинѣ Толгскаго монастыря и его окрестностей. А. Боголюбскаго. Яр. Епар. Вѣд. 1861 г., с. 418